

Е. В. Мухина

МЕМОУАРЫ О ЧАСТНОЙ ШКОЛЕ В РОССИИ В XVIII в.

В период грандиозных реформ Петра Великого в России впервые возникла и начала развиваться светская школа, положив конец господству церкви в области просвещения. Именно в XVIII в. сформировалась сеть специальных школ, была создана высшая светская школа, открылись привилегированные учебные заведения для дворян, воспитательные дома и училища, с 1786 г. началось открытие народных училищ — государственных начальных бессловесных школ. Значительные изменения произошли и в сфере частного образования. Введение принудительного порядка обучения в новых государственных школах усиливало стремление родителей обучать детей в частном порядке. Именным указом от 9 февраля 1737 г. и манифестом «О даровании вольности российскому дворянству» 1762 г. дворянству разрешалось добровольно выбирать форму обучения детей¹, и оно предпочитало частную школу государственной вплоть до конца столетия. С 30-х гг. XVIII в. росло число частных школ, открываемых иностранцами, в которых велось обучение некоторым светским наукам, но чаще всего «...от иностранца не требовалось особых способностей...он только обязывался научить детей на природном своем языке и таким образом придать им некоторое сходство с европейцем»².

В связи с тем, что многие из содержателей частных иностранных школ «лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали»³, в правление Елизаветы Петровны была предпринята попытка регламентации процесса преподавания в этих школах: указом от 5 мая 1757 г. их содержателей обязывали держать экзамен для освидетельствования в науках и получения соответствующих аттестатов⁴. Меры по ужесточению контроля за порядком содержания и обучения в частных школах, а также в отношении учителей этих школ были предприняты правительством Екатерины II в Уставе народным училищам от 5 августа 1786 г.⁵ Лица, «желающие завести у себя училище», обязывались выдержать экзамен в народном училище по учебным дисциплинам, которым предполагали обучать, получить соответствующее письменное свидетельство от директора главного народного училища и раз-

решение на открытие школы в приказе общественного призрения при наличии «обстоятельного плана» с указанием преподаваемых учебных дисциплин, состава учителей, распорядка дня и суммы оплаты за обучение детей. Однако организаторы частных школ стремились всячески избежать жесткой регламентации, вводимой Уставом, и своеобразие организации учебного процесса в этих школах, зависящее от личности держателей и учителей, продолжало сохраняться.

История частных школ в России XVIII в. слабо изучена в отечественной историографии, она не являлась предметом глубоких научных исследований. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский в своих исторических трудах уделяли внимание проблеме негосударственного образования и указывали на значительные изменения, произошедшие в системе организации частных школ после реформ Петра I. С.М. Соловьев отмечал появление большого числа иностранцев, которые открывали частные школы в России, но преподавали крайне неудовлетворительно, поскольку «частные люди обращались к первому иностранцу, который объявлял себя способным чему-нибудь выучить детей их». Соловьев подчеркивал, что, несмотря на появление иностранцев, старинные традиции обучения «сильно сохранялись между людьми»⁶.

В.О. Ключевский в «Курсе лекций по русской истории», проследив этапы развития системы частного образования на законодательном уровне, отмечал важную роль иностранцев в содержании школ⁷.

Истории частной школы в России XVIII в. касался в работе по истории русской педагогики М. Демков. Он отмечал значение большого числа «частных (неофициальных) школ для низшего светского сословия, где дети продолжали учиться по часослову и псалтырю у дьяконов и дьячков», а также подчеркивал важную роль раскольниковых частных школ в губерниях в распространении грамотности «среди женского населения простого народа». Отмечая значимость иностранцев в содержании частных школ в столицах, Демков обращал внимание на то, что большинство из них представляли собой «...отребье французского и немецкого общества половины XVIII в.»⁸.

С.А. Князьков и Н.И. Чербов в «Очерке истории народного образования» указывали, что, несмотря на появление в России частных иностранных пансионов, в которых российскую молодежь обучали светским наукам, обучение в духе религиозной морали в традиционных частных школах продолжало сохранять значение и «черточки западноевропейского лоска только очень внешне ложились на воспитание псалтырью и часословом души...»⁹.

Советские исследователи, рассматривая школьное дело с классовых позиций, касались частных учебных заведений в процессе изучения проблем женского образования, говоря о роли Московского университета в

развитии школы и педагогики, а также в ходе рассмотрения вопросов становления русской школы в России XVIII в. в целом. Так, Ф.С. Озерская замечала, что, поскольку «в официальной структуре образования в России до середины XVIII в. учебные заведения для женщин отсутствовали», девочки еще с петровских времен имели возможность обучаться в частных школах, а со второй половины XVIII в. — в частных пансионах (для привилегированного сословия), которые преимущественно содержали малообразованные иностранцы¹⁰. А.В. Смирнов также указывал на открытие в столичных городах во второй четверти XVIII в. частных иностранных пансионов, содержателями которых зачастую были «случайные люди, не имеющие необходимого образования и опыта в обучении и воспитании детей»¹¹. В работе М.В. Сычева-Михайлова организация обучения в частном пансионе в Москве рассматривалась с целью изучения важной роли профессоров Московского университета в разработке педагогических пособий для упорядочения процесса преподавания в пансионах¹².

В связи с малоизученностью проблем частной школы в России большое значение имеет изучение исторических источников, в частности российского законодательства XVIII в., позволяющего проследить процесс регламентации государством организации частной школы в России. Важным источником является и периодическая печать, в которой появлялись рекламные объявления, содержащие информацию о частном обучении. Но наибольшую ценность для изучения частной школы в России XVIII в. представляют мемуарные источники — записки или воспоминания о прошлом, написанные участниками или современниками событий, основанные на личном опыте или собственной памяти авторов. Мемуары — уникальный источник, поскольку в них содержится разнообразная, наиболее полная информация о частной школе, не отраженная в других видах документов. Авторы мемуаров, представители различных сословий и профессий, описывая свое детство и юность, оставили свидетельства об учителях, учениках, учебных дисциплинах и методах обучения в этих школах.

Только некоторые дореволюционные исследователи, касаясь проблемы частного обучения в России XVIII в., использовали мемуары в качестве источников. П. Пекарский отмечал, что «сведения в записках об образовании далеко не полны, но тем не менее самые краткие упоминания современников об этом предмете могут дать понятие о том, как постепенно менялся взгляд на образование и как мало-помалу старинные предания уступали место нововведениям и, наконец, совершенно исчезали»¹³. В качестве иллюстрации процесса обучения в частных школах автор приводил выдержки из мемуаров А.Т. Болотова, М.С. Щепкина, М.В. Данилова. В работе по истории домашнего воспитания и обучения в

России XVIII в. Н.Д. Чечулин использовал воспоминания для характеристики школьных учителей, а также набора учебных предметов и методов их преподавания в частных школах¹⁴. М. Демков в «Истории русской педагогики», характеризуя состояние просвещения в России в первой половине XVIII в., приводит пространные выдержки из мемуаров А.Т. Болотова, Г. Мессельера, М.В. Данилова, С.Т. Аксакова «для показания художественной верности картины обучения в частных школах»¹⁵. Из современных исследований мемуаров нужно отметить общие работы А.Г. Тартаковского и А.Е. Чекуновой, в которых русская мемуаристика XVIII в. в целом представлена как культурно-исторический феномен, но мемуары, содержащие сведения о частной школе, ими не рассматриваются¹⁶.

В связи со слабой изученностью мемуаров, мы задались целью рассмотреть их в качестве источника по истории частной школы в России XVIII в. Цель работы определила следующие задачи: выявление мемуарных источников, изучение авторства, времени и места написания воспоминаний, истории их публикации; анализ сведений мемуаров о частных школах: видах этих школ, времени и месте их действия, об учителях и учащихся, об учебных дисциплинах и методике их преподавания.

На основе аннотированного указателя опубликованных воспоминаний и дневников, составленного под руководством П.А. Зайончковского¹⁷, а также путем просмотра публикаций в дореволюционных периодических изданиях («Русский архив», «Русская старина») было выявлено 17 мемуаров, содержащих сведения о частной школе разной степени подробности за период с 1701 по 1800 гг.

Воспоминания о частной школе оставили мемуаристы-мужчины, преимущественно представители высшего чиновничества: гражданского, военного и «от просвещения», причем некоторые из них были литературными и общественными деятелями. В основном эти представители высшей бюрократии были выходцами из среды небогатого средне- и мелкопоместного дворянства, и в преобладающем большинстве в воспоминаниях речь велась о небольших частных школах в провинции. Как правило, мемуары писались авторами в конце жизни после выхода в отставку с действительной службы, не были ориентированы на публикацию, составлялись для детей и потомков «в нравоучительно-наставительных тонах»¹⁸.

Практически все мемуары хранились в семейных архивах и библиотеках, публиковались детьми, внуками, родственниками или близкими друзьями семьи: некоторые рукописи воспоминаний терялись и обнаруживались исследователями через много лет после их написания.

Мемуары, содержавшие сведения о частной школе, создавались, как правило, в первой половине XIX в., некоторые даже в начале второй половины XIX в. и охватывали события второй половины XVIII – начала

XIX в., лишь некоторые воспоминания содержат факты, относящиеся к первой половине XVIII столетия, поэтому обучение в частных школах этого времени гораздо слабее отражено в мемуаристике. Мемуары высших чиновников публиковались преимущественно в журнале «Русский архив» П. Бартенева, средних чиновников и деятелей культуры – в «Русской старине», меньшее число публикаций было в «Историческом вестнике», «Вестнике Европы», «Русском библиофиле».

Высшие гражданские чиновники, выходцы из семей мелкопоместного дворянства, Василий Никифорович Геттун (1771–1848) и Яков Иванович де Санглен (1776–1864) писали свои воспоминания, находясь в отставке от службы. Правитель канцелярии военного губернатора Санкт-Петербурга Милорадовича, министр полиции в Курской губернии, после 1821 г. действительный статский советник, В.Н. Геттун написал мемуары после 1822 г., озаглавив их как «Собственно для моих детей»¹⁹; они впервые были опубликованы в «Историческом вестнике» только в 1880 г. сыном мемуариста при содействии профессора К.Н. Бестужева-Рюмина. В 1860 г. в возрасте 84 лет в подмосковном имении составлял записки правитель канцелярии Министерства внутренних дел, возглавляемого генералом Балашовым, действительный статский советник Я.И. де Санглен. Рукопись его мемуаров, где зафиксированы события 1776–1831 гг., была передана в собственность редакции журнала «Русский архив» генерал-лейтенантом М.И. Богдановичем и опубликована только через 22 года после написания — в 1882 г.

Сведения о частной школе содержатся в записках 1826 г. высшего военного чиновника, генерал-майора в отставке Льва Николаевича Энгельгардта, которые он составлял в возрасте 60 лет, описывая события 1766–1825 гг. Мемуары были обнаружены в 1858 г. после смерти автора его зятем Н. Путятой в имении Энгельгардта в селе Мураново Московской губернии и опубликованы впервые в «Русском вестнике» в 1859 г. (через 33 года после написания), а затем в 1867 г. вышли отдельным изданием в «Русском архиве».

Мемуаристами были и высшие чиновники «от просвещения». Так, автобиография директора Царскосельского лицея действительного статского советника Егора Антоновича Энгельгардта (1775–1862) была дополнена новыми сведениями и опубликована в 1872 г. в «Русском архиве» его сыном В.Е. Энгельгардтом.

Среди высших чиновников, оставивших свидетельства о частной школе, были и литераторы. Так, известный поэт Гавриил Романович Державин (1743–1816), выходец из небогатой дворянской семьи, был губернатором Олонекским (1784–1791) и Тамбовским (1791–1793), президентом Коммерц-коллегии и министром юстиции (1802–1803). Державин написал свои воспоминания в отставке между 1808 и 1812 гг. в возрасте

70 лет; они представляют собой «род мемории, или делового отчета, о службе государевой»²⁰. Записки Г.Р. Державина были получены от дочери попечителя Санкт-Петербургского университета К.М. Бороздина, которой по наследству была передана подлинная рукопись, и впервые опубликованы в 1860 г. книжным изданием «Русского архива» только через 52 года после написания.

Воспоминания о частной школе конца XVIII в. оставил и выходец из семьи среднепоместных дворян Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), действительный обер-прокурор Сената (1797), член Государственного совета и министр юстиции (1806), действительный тайный советник. Кроме того, Дмитриев был известным поэтом, писателем и баснописцем конца XVIII в., публиковал стихи в журналах Н.Д. Карамзина. Свои воспоминания Дмитриев написал в начале 1820-х гг. в Петербурге в возрасте 60 лет, находясь в отставке, чтобы дать потомкам «поучительный пример нравственной жизни своей»²¹. Эти воспоминания опубликовал племянник автора М. Дмитриев по подлинной рукописи через 43 года после их написания, в 1866 г. они вышли отдельной книгой под названием «Взгляд на мою жизнь».

Авторами мемуаров о частной школе были представители среднего российского военного и гражданского чиновничества. Курский воевода надворный советник Иван Петрович Анненков в период с 1745 по 1766 г. в родовом поместье в Курской губернии ежедневно вел дневник после выхода в отставку с военной службы в возрасте 32 лет. «Журнал» Анненкова впервые был опубликован только в 1957 г. в сборнике документов по истории СССР. Мемуаристом был и российский офицер, участник войны 1812 г. Карл фон Мартенс (1783–1863). Его записки, содержащие массу сведений о частной школе в Прибалтике в конце XVIII в. впервые, вероятно, были опубликованы только в 1902 г. в «Русской старине». Время и место написания этих мемуаров неизвестны. Мемуары коллежского асессора Федора Пантелеймоновича Печерина (1773–1816), выходца из семьи мелких дворян-чиновников, были написаны в 1816 г. «...на память детям» и опубликованы в «Русской старине» в 1891 г.

Большое значение для изучения частной школы в России XVIII в. имеют многотомные мемуары Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833), выходца из семьи среднепоместных дворян. Участник Семилетней войны, письмоводец и переводчик канцелярии генерал-губернатора Восточной Пруссии Н.А. Корфа в Кенигсберге, Болотов в 1778–1797 гг. был управляющим дворцовой Богородицкой волостью Тульской губернии и вышел в отставку в чине коллежского асессора. Кроме того, Болотов был ученым-агрономом, писателем, издателем, общественным деятелем, принимал активное участие в деятельности Вольного экономического общества. В 1778–1779 гг. он издавал агрономический журнал «Сельский жи-

тель», редактировал журнал «Экономический магазин», в 1822–1830 гг. активно сотрудничал с редакцией «Земледельческого журнала». Знакомый с идеями масонов, увлеченный идеей воспитания «совершенного человека», А.Т. Болотов, помимо написания нравоучительных пьес, в период 1789–1820 гг. занимался созданием масштабного мемуарного повествования «единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение»²².

Автор начал писать мемуары в возрасте 52 лет, будучи управляющим Богородицкой волостью, на основе «черновых» дневников, которые вел изо дня в день на протяжении десятилетий. Причем чересчур откровенные описания темных сторон быта, неблагоприятные, по его мнению, в воспитательном смысле, намеренно не переносил из дневника в беловой текст или всячески их смягчал и приукрашивал²³. Болотов написал 39 частей мемуаров, построенных как серия «писем» к некоему вымышленному другу, обращением к которому начиналось и заканчивалось каждое «письмо». До 1800 г. было подготовлено 7 частей, охватывающих период 1730–1760-х гг.

После смерти мемуариста его громадный архив с библиотекой, перейдя к детям и внукам, оказался распыленным. Значительные фрагменты первых частей мемуаров были напечатаны в ряде русских журналов уже в конце 1830-х — начале 1850-х гг. по беловым автографам, находившимся у внука, А.П. Болотова. В 1863 г. историк Н.С. Киселев приобрел у другого внука автора, М.П. Болотова, черновой автограф нескольких частей мемуаров, которые не были опубликованы из-за цензурных стеснений. Только в 1867 г. редактор «Русской старины» М.И. Семевский, получив от правнука мемуариста (В.А. Болотова) беловой автограф двадцати девяти частей мемуаров, завершенных в 1816 г. и доведенных до 1795 г., опубликовал их 4-томным изданием в 1870–1873 гг. После революции 1917 г. записки А.Т. Болотова издавались трижды, но в сокращенном виде: в 1931 г. (3 тома), 1988 и 1991 гг. (дублировали издания 1931 года)²⁴.

Особо нужно отметить среди мемуаров XVIII в. единственную автобиографию представителя купечества — пермского купца Дмитрия Емельяновича Смышляева (1780– ?). Его записки после смерти были найдены и опубликованы в Перми его сыном, Д.Д. Смышляевым, в «Пермском сборнике» в 1860 г. Дата написания этих воспоминаний неизвестна.

Авторами мемуаров о частной школе были и деятели культуры, просвещения, по социальному происхождению преимущественно разночинцы, выходцы из семей мелкопоместного дворянства, низшего духовенства, крепостных. Как правило, воспоминания писались в XIX в., некото-

рые из них были литературно оформлены с целью публикации в печати. Имели место и традиционные мемуары-автобиографии внутрисемейного назначения. Среди них — воспоминания военного изобретателя, преподавателя военно-учебных заведений Михаила Васильевича Данилова (1722–1790), которые он написал в 1771 г. в возрасте 49 лет в форме генеалогии небольшого дворянского рода Даниловых. Мемуары были впервые изданы только в 1845 г., т.е. через 74 года после их написания, и переизданы в «Русском архиве» в 1883 г.

Сведения о частной школе имеются в записках филолога, переводчика, преподавателя русской словесности и философии Санкт-Петербургского университета Якова Васильевича Толмачева (1779–1873), выходеца из среды низшего духовенства. Время и место создания, история текста и публикации неизвестны.

Воспоминания актера, основоположника реализма в русском сценическом искусстве Михаила Семеновича Щепкина (1788–1863) представляют огромный интерес для изучения традиционной российской частной школы грамоты. Выходец из крепостных, выкупленный в 1822 г. на волю, М.С. Щепкин начал писать мемуары по настоянию А.С. Пушкина весной 1836 г. в возрасте 48 лет, будучи премьером императорской труппы. Пушкин своей рукой написал название и первые строки записок. С 1846 по 1862 г. Щепкин составлял отдельные, литературно оформленные рассказы из своей жизни специально для публикации в альманахах, газетах, журналах²⁵. Отрывок, описывающий его детство и учебу в школе, появился раньше всех в 1848 г. в журнале «Современник». Только в 1864 г. вышло первое полное издание «Записок», составленное сыном автора — Н.М. Щепкиным: к отрывкам было присоединено начало рукописи Щепкина, фрагменты стали выглядеть главами, им была придана внешняя упорядоченность. Записки Щепкина переиздавались и в советское время.

Мемуары свидетельствуют, что в России XVIII в. частные школы были распространенным явлением. В воспоминаниях содержатся сведения о крупных и мелких школах, которые, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, действовали в различных регионах Российской империи: в Прибалтике, Белоруссии, на Украине, в черноземных губерниях, в Поволжье, на Урале. Частные школы различались по социальному составу учащихся: существовали привилегированные школы для детей из семей высшей дворянской бюрократии, для детей среднего и мелкопоместного небогатого дворянства, среднего и мелкого провинциального духовенства, купцов и крепостных крестьян.

Мемуаристы указывают, кто и чему учил их самих в частных школах, а также и их детей, родственников, соседей; отмечают, что влияло на обучение. В записках даются характеристики российских и иностранных

учителей — содержателей частных школ — и самих учеников, а также методов обучения и учебных программ. В некоторых мемуарах содержатся сведения об отношении родителей и учеников к учителям, к учебе, о старинных российских традициях, сохранившихся в течение XVIII столетия.

Наибольший интерес для изучения российской частной школы XVIII в. представляют записки А.Т. Болотова, в которых содержатся сведения о традиционной школе грамоты, домашней иностранной школе, а также о собственной частной школе автора. Полное и красочное описание обучения детей крепостных в традиционной школе грамоты в конце 1780-х гг. дается в мемуарах актера М.С. Щепкина. Многие мемуаристы, рассказывая о домашнем обучении в семье, лишь мельком касаются вопросов частной школы.

Из семнадцати воспоминаний в шести содержится информация о традиционных начальных школах в провинции, в которых обучались сами авторы, наиболее подробно об этом пишут актер М.С. Щепкин и военный изобретатель М.В. Данилов. В мемуарах сообщается о школах грамоты, в которых преимущественно обучались мальчики из среды средне- и мелкопоместного провинциального дворянства. Как правило, в этих школах училось от трех до семи детей в возрасте от 4 до 9 лет, обучение продолжалось 1–2 года. В основном эти школы грамоты содержали представители низшего духовенства, обучали азам русского языка — чтению и письму, традиционным методом зубрежки наизусть текстов из церковно-славянских книг, применяя суровые телесные наказания.

Краткие сведения о том, что традиционные школы грамоты содержали «церковники», «сельские церковные дьячки», содержатся в записках поэта Г.Р. Державина и действительного статского советника В.Н. Геттуна. Судя по запискам Г.Р. Державина, который воспитывался в семье мелкопоместного дворянина полковника Державина, имевшего 60 душ крестьян, он в четырехлетнем возрасте в 1747 г. в Казани был «научен от церковников читать и писать, за неимением в тогдашнее время в том краю учителей». В.Н. Геттун, описывая свое детство в Малороссии в семье чиновника 14-го класса, имевшего 12 душ крестьян, указывает, что он на шестом году в 1777 г. был отдан в школу к церковному дьячку села Лобки, где обучался русской грамоте в течение двух лет. Мемуаристом зафиксирован интересный факт: в 1779 г. его «по неудовольствию на лобковского дьячка и по рекомендации отдали...учиться к дьячку церкви села Суходолья»²⁶. А.Т. Болотов из семьи мелкопоместного дворянина капитана Т. Болотова посещал в 1747 г. в Пскове в шестилетнем возрасте вместе с другими учениками домашнюю школу грамоты старика-малороссиянина.

М.В. Данилов, сын мелкопоместных дворян Даниловых, в 1729 г. в возрасте 7 лет был отдан обучаться русской грамоте в домашнюю школу к пономарю Филиппу Брудастому, который держал у себя трех учеников в «весьма малой избушке». Учеба начиналась очень рано, продолжалась весь день с перерывом на обед, вечером дети отвечали урок, причем в школу ходили и летом. Ученик «без молитвы дверей отворить, покуда не скажут “аминь”, не смел». Урок затверживали наизусть, но, так как детям весь день приходилось сидеть в учебной комнате, они «от такового всегдашнего сидения ослабевали, голова делалась беспамятна и все, что выучили прежде наизусть при слушании урока, в вечеру и половины прочитать не могли». Часто детей «секли лозою», поскольку считалось, что «при учении терпеть надлежит наказание»²⁷. Мемуарист замечал, оценивая результаты своего обучения в этой школе: «В подобие всего обретаются: разных рукодел мастера обременяют своих учеников не по силе лет их, из коих некоторые, не возмогши снести такой налагаемой на них тягости учения, обращаются в бегство, кроются по разным местам, вымышляют бездельные обманы, наконец, от воображения страха, что будут их наказывать за побег жестоко, приходят в отчаянье и делаются бездельниками на век. Вот какой плод происходит от таковых беспутных и ни к чему не годных учителей, каков был мой Брудастый; вымышлял иногда и я, от такого скучного сидения, напрасно показывать какие ни есть за собой затейные приключения и болезни, коих отнюдь во мне не было»²⁸.

Судя по запискам генерал-майора Л.Н. Энгельгардта, он в течение двух лет посещал школу грамоты в Витебске в 1770-е гг., в возрасте 9 лет. Описывая свое детство, мемуарист отмечал, что семья жила «почти одним жалованием», поскольку отец его, полковник в отставке Н.Б. Энгельгардт, определенный воеводой в Белоруссию, в Витебск, оставил службу из-за больших долгов и имел «крайне расстроенное состояние». Школу грамоты держал «униатской церкви дячок», в ней мальчик «едва в два года выучился порядочно читать»²⁹.

Актер М.С. Щепкин в своих записках великолепно воссоздает картину обучения в школе грамоты в имении графа Волькенштейна в селе Красное Тульской губернии в конце 1780-х гг. Отец автора, хотя и был крепостным, «пользовался неограниченной доверенностью» графа, ему «было вверено в управление все имение господ, которое состояло из 1200 душ и было разбросано на 70 верстах». Автор в возрасте 5 лет был отдан для обучения грамоте в дом к малороссиянину Никите Михайловичу, ключнику хлебного магазина при винокуренном заводе, который «имел школу приватно», причем учитель боялся потерять место ключника, которое «...совершенно зависело от воли отца»³⁰. В школе обучалось еще трое мальчиков — тоже из детей крепостных. Обучение было традици-

онным, в качестве учебной литературы использовались азбука, часослов и псалтырь.

М.С. Щепкин красочно описывает старинные традиции обучения, сохранявшиеся в провинции в конце XVIII в.: «При перемене книги, то есть когда я окончил азбуку и принес в школу в первый раз часослов, то тут же принес горшок молочной каши, обернутый в бумажный платок, и полтину денег, которая как дань, следуемая за учение, вместе с платком вручалась учителю. Кашу же обыкновенно ставили на стол и, после повторения задов (в такой торжественный день учения уже не было), раздавали всем учащимся ложки, которыми и хватали кашу из горшка. Принесший кашу и совершивший подвиг, то есть выучивший всю азбуку, должен был бить учеников по рукам, что...исполнял усердно при всеобщем шуме и смехе учителя и его семейства. Потом, когда кончили кашу, вынесли горшок на чистый двор, поставили его посредине, и каждый бросал в него палкой; тот, кому удавалось разбить его, бросался стремглав уходить (бежать), а прочие, изловив его, поочередно драли за уши»³¹. Та же самая церемония происходила после завершения изучения часослова и перехода к псалтырю.

М.С. Щепкин сообщает о традиционной методике обучения грамоте: «После окончания изучения всех трех книг — ежедневно под присмотром учителя — ученики занимались “протверживанием задов”, повторением выученного, что им страшно надоедало. Во время чтения нужно было “останавливаться по точкам”, делая паузу в конце предложения, где стоит точка, чтобы был понятен смысл прочитанного. Вопросы учителю не задавались, а если задавались, то очень редко ...я спросил... “Да для чего же останавливаться по точкам?”. При сем вопросе учитель мой остолбенел: в первый раз услышал он такой вопрос, в течение целых сорока лет, обучая юношество грамоте, — и до того смешался и рассердился, что долго не отвечал на него...затем отпустил он мне в голову порядочную тукманку...». Учитель часто наносил ученикам «скубки, удары по рукам линейкою». М.С. Щепкин отмечает, что в результате он за год «всю премудрость выучил, т.е. азбуку, часослов и псалтырь», чем и заканчивалось все учение: в результате ученики «...не понимали ни слова, а приобретали только способность бегло читать церковные книги»³².

В пяти мемуарах содержится информация о домашних школах, которые содержали россияне: отставные военные, выпускники или учащиеся государственных учебных заведений, военных или духовных. Судя по воспоминаниям, эти школы в основном посещали дети, уже имевшие начальные знания, в возрасте с 11 до 16 лет из семей средне- и мелкопоместного дворянства, а также духовенства; в них преподавали математику, русский и иностранный языки. Авторы мемуаров отмечают, что частных училищ в провинции было недостаточно, поэтому родители зачас-

тую были вынуждены отдавать детей в школы, содержателями и учителями в которых были малообразованные люди, учившие без использования прогрессивной методики. Такое обучение, когда учитель не объяснял ученикам саму суть предмета, как правило, не приносило ученикам большой пользы, было малозффективным.

Так, поэты Г.Р. Державин и И.И. Дмитриев отмечают отсутствие какой-либо методики обучения математике в провинциальных частных школах. Описывая свое обучение в 1754 г. в Казани после смерти отца, мелкопоместного дворянина полковника Державина, поэт Г. Державин рассказывает, что мать, оставшаяся «в крайнем сиротстве и бедности», за неимением лучших учителей отдала его в возрасте 12 лет вместе с братом обучаться в частную школу сначала «к гарнизонному школьнику Лебедеву, а потом артиллерии штык-юнкеру Полетаеву». В этой школе учителя учили детей математике «без документов и правил», «довольствовались в арифметике...первыми пятью частями, а в геометрии — черчением фигур, не имея понятия, что и для чего надлежит»³³.

Действительный статский советник, выходец из семьи среднепоместных дворян, поэт И.И. Дмитриев в записках воссоздает картину своего обучения математике в 1769 г. в Симбирске в домашней школе гарнизонного сержанта Копцева. Он вспоминает, что слышал от учителя «непостижимые слова: искомое, делимое, видел только на аспидной доске цифры и сам ставил цифры так же на удачу, без всякого соображения...потом с робостью представлял учителю мою доску. Учитель осыпал меня бранью, стирал мои цифры, ставил свои и я спешил тщательно списывать их красными чернилами в тетрадку. Таким образом оканчивался каждый урок мой в математике»³⁴.

В трех мемуарах сообщается, что содержателями частных школ были студенты духовных учебных заведений. С 1781 г. сын чиновника 14-го класса — будущий действительный статский советник В.Н. Геттун — в селе Лобки в Малороссии учился в «пансионе» киевского студента Михайло Савича Барлуя. В воспоминаниях В.Н. Геттун обращает внимание на то, что «в сем пансионе учили только читать и писать по-русски, даже и начальных правил арифметики не преподавали».

По данным записок актера М.С. Щепкина, сын его хозяина, графа Волькенштейна, имевшего 1200 душ крестьян, посещал в г. Белгороде Курской губернии домашнюю школу, которую открыл студент духовного училища, ставший впоследствии «очень ученым священником». Профессор Санкт-Петербургского университета филолог Я.В. Толмачев, выходец из семьи причетника-дьячка, сообщает о своем обучении в домашней школе («на квартире») студента-философа Тишинского в 1780-е гг. в Харькове, «на отцовском крайне бедном содержании». Интересен тот факт, что в этой школе сын представителя низшего православного духо-

венства обучался латинскому языку, причем учитель страшно сердился за то, что ученик вписывал латинские слова и фразы в маленькие тетрадки: «с негодованием рвал их и бросал в огонь»³⁵.

В записках А.Т. Болотова содержатся сведения о небольших школах, которые открывались в дворянских домах, вероятно, по причине отсутствия иных частных школ. Мемуарист пишет, что он в 1748 г. в возрасте 11 лет был отдан отцом в дом дворянина Неттльгорста в Курляндии, где была организована школа для обучения нескольких дворянских детей-сверстников. В этой школе детей обучали немецкому языку следующим образом: в доме совсем не было слышно русской речи, разговаривали только по-немецки. Кроме того, обучали географии, французскому и рисованию.

А.Т. Болотов дает интересные сведения о домашнем учебном пансионе, который открыл он сам в возрасте 34 лет в родовом селе Дворянинове для своих детей, детей родственников и знакомых помещиков в 1770-х гг., находясь в отставке от военной службы, будучи членом Вольного экономического общества. В своем пансионе Болотов обучал детей (возраст неизвестен) арифметике, географии, рисованию, началам землемерия, проводил с ними «философические разговоры». Переехав в 1776 г. в Богородицк и получив должность управляющего Богородицкой волостью, Болотов продолжил свои учебные занятия с детьми: в частности, обучал письму, арифметике и «прочему, чему мог» мальчика Пахомова из семьи своих обедневших дальних родственников и двух крестьянских мальчиков из детей конюхов. Последних, уже умевших писать, он учил «лучшему и правильнейшему писанию», чтобы в дальнейшем использовать их в качестве секретарей. После открытия в Богородицке в 1778 г. небольшого иностранного частного пансиона при непосредственной поддержке самого Болотова, управляющего волостью, он продолжал принимать участие в обучении детей. По средам и субботам Болотов приглашал к себе всех учеников пансиона и дополнительно обучал их предметам, которые в пансионе не преподавались: геометрии, физике, нравоведению³⁶. Как сообщает автор, ученики относились к нему с благодарностью и уважением.

В шести мемуарах содержится разнообразная информация о небольших частных школах, которые в столицах и провинции Российской империи открывали иностранцы начиная со второй четверти XVIII в. Судя по воспоминаниям, в домашних школах, содержателями которых были преимущественно обрусевшие немцы или французы разных профессий, обучалось от 2 до 5 учащихся из семей среднепоместного дворянства в возрасте от 7 до 12 лет. Как правило, здесь обучали иностранным языкам и математике, хотя в некоторых школах велось преподавание русского языка, истории, географии, рисования, танцев. Авторы мемуаров указы-

вают, что из-за отсутствия достаточного количества частных школ в России детей отдавали в любую частную иностранную школу, которая располагалась рядом, вне зависимости от качества обучения. Иностранцы, как правило, не применяли в процессе обучения эффективные приемы и методы, часто прибегали к жестоким телесным наказаниям учащихся.

В двух мемуарах описаны небольшие частные школы иностранцев, действовавшие при церквях и монастырях. Генерал-майор Л.Н. Энгельгардт рассказывает о частной школе, которую содержали монахи-иезуиты. Автор мемуаров, сын витебского воеводы Н.Б. Энгельгардта, полковника в отставке, в 1770-е гг. в возрасте 10 лет посещал частную школу, находившуюся в Витебске в иезуитском монастыре. В ней преподавали иезуиты Вольфорт и Кацаврик. Вольфорт учил французскому языку и, как заявляет мемуарист, «от таких учителей мало показывал успеха, по тупоумию и лености». Учитель немецкого Кацаврик жестоко наказывал ученика: «исправно всякую неделю наказывал меня дисциплиною, отчего я получил такое омерзение к немецкому языку, что никогда не мог порядочно знать по-немецки и разуместь, что читаю»³⁷.

В дневнике курского воеводы, надворного советника И.П. Анненкова отмечено, что его дети в возрасте 9–10 лет в конце 40-х — начале 50-х гг. XVIII в. ходили обучаться немецкому языку, арифметике и геометрии в школу немцев Ягана Герца и Ивана Цвинкера при «архиерейском доме»³⁸.

Поэт Г.Р. Державин, сын мелкопоместного дворянина-полковника, описывает свое обучение в Оренбурге в 1740-е гг. в частной школе, которую держал у себя на дому немец — ссыльный на каторжные работы Иосиф Роза. Показательно, что «дети лучших благородных людей в Оренбурге, при должностях находящихся», обучались немецкому языку в школе ссыльного каторжника, вероятно, из-за отсутствия другой частной школы. Автор мемуаров отмечает, что методика преподавания как таковая в школе Розы вообще не применялась: учитель только заставлял учеников «твердить наизусть вокаболы и разговоры и списывать их», поскольку «сам был невежда, не знал даже грамматических правил». Показательна авторская характеристика морального облика школьного учителя: «развращенных нравов... жестоко наказывал своих учеников самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами»³⁹.

В мемуарах действительного статского советника Я.И. де Санглена содержатся сведения о том, что обучение даже в столичных частных школах в конце XVIII в. не было эффективным. Автор мемуаров, выходец из семьи московских чиновников, рассказывает о домашнем пансионе немца господина Келлера в Москве, куда в конце 1780-х гг. в возрасте 7 лет он был отдан обучаться вместе с ещё двумя учениками. По замечанию де Санглена, «от такой учебы было мало толка», поэтому мать авто-

ра, «недовольная малыми успехами сына», решила отдать его в государственное учебное заведение — ревельскую гимназию⁴⁰.

Поэт И.И. Дмитриев и ученый-агроном А.Т. Болотов в своих воспоминаниях воссоздают картину обучения в провинциальных частных школах, открываемых французами в России в конце XVIII в. Поэт И.И. Дмитриев, выходец из семьи среднепоместного дворянства, сообщает, что он в 1768–1769 гг. в 8-летнем возрасте посещал две частные школы: в Казани — «французского мещанина» господина Манжена, в Симбирске — бывшего французского офицера Лорансена. Автор рассказывает, что Манжен учил детей французскому языку, математике и рисованию. Содержание школ для иностранцев было делом выгодным, так как самих частных школ в провинции было мало, и иностранцы боролись за то, чтобы их школа была единственной в округе, не имела конкурентов. И.И. Дмитриев вспоминает: когда Манжен из Казани переехал в Симбирск и открыл там школу, то между ним и содержателем местной частной школы Лорансеном «началось соперничество, ученики переходили от одного к другому», пока француз Манжен не «съехал в деревню к богатому помещику Макарову обучать его сына»⁴¹.

В своих записках А.Т. Болотов положительно характеризует школу, которую учредил в 1778 г. в г. Богородицке Тульской губернии француз Деблуже для обучения «благородных детей...которые могли бы у него жить на содержании». Школа француза Деблуже была открыта и стала пользоваться популярностью благодаря содействию самого автора мемуаров, занимавшего в то время должность управляющего Богородицкой волостью. Именно Болотов дал французу разрешение учредить «пансион», нашел подходящее место для его размещения и заключил с учителем «порядочный письменный договор, условившись...о ценах и прочем, что было нужно». Управляющий волостью А.Т. Болотов одним из первых отдал своего сына и мальчика-родственника в новую школу. Его примеру последовали судьи, жившие в Богородицке, а затем и многие дворяне, владевшие имениями вокруг Богородицка: «Словом, не успело пройти несколько месяцев по открытии его, как он наполнился учениками и сделался почти славным и довольно хорошим»⁴².

Судя по запискам Болотова, в 1770-х гг. в российской провинции было мало частных школ с высоким качеством преподавания, и образованные учителя, каким был француз Деблуже, были большой редкостью: «...такого человека прислал промысел Господень, какого бы нам иском искать и нескоро отыскать можно было». Болотов высоко оценивал учительскую деятельность Деблуже, отмечая, что преподавание в его школе велось на достаточно высоком уровне, поскольку учитель имел «все нужные к обучению детей способности...Одарен он был и разными другими сведениями, был человек тихого, веселого и дружелюбного харак-

тера». В школе дети местных помещиков обучались французскому и немецкому языкам, арифметике, географии, истории, танцам. Так, Деблное «вздумал из самых маленьких детей составить некоторый род балета и научить их оный прыгать». Большое значение Болотов придавал тому, что учитель Деблное хорошо говорил не только на иностранных языках, «но и нашим русским языком говорил почти как русский и мог даже писать на нем изрядно»⁴³.

Болотов указывал, что нормальное и эффективное функционирование школы во многом зависело от личности учителя — содержателя школы. Так, «пансион» Деблное успешно действовал четыре года, пока в 1782 г. учитель не уехал из Богородицка, передав содержание школы старому французу де Брини, «гораздо худшему учителю», от которого многие дворяне забрали своих детей. Школьные дела наладились только через год, в 1783 г., когда в Богородицке появился новый учитель — немец Эйзенберг, по словам Болотова, «многознающий и хороший человек», и вскоре пансион возродился вновь⁴⁴.

Изучение мемуаров показывает, что во второй половине XVIII в. домашние школы открывали преподаватели и выпускники государственных учебных заведений. В такие домашние училища, как правило, отдавали детей в возрасте 12–16 лет, уже посещавших государственные учебные заведения для лучшего усвоения предметов, преподававшихся в них, или обучения дополнительным учебным дисциплинам.

Судя по запискам коллежского асессора Ф.П. Печерина, важную роль в содержании частных школ играли преподаватели Московского университета. Автор мемуаров — выходец из семьи служащего московской полиции — положительно характеризует домашнюю школу преподавателя немецкого синтаксического класса Московского университета Матвея Матвеевича Гаврилова, куда он был отдан матерью по рекомендации в 1780-х гг. в возрасте 12 лет на четыре года для обучения иностранному языку. Печерин жил и учился в доме учителя Гаврилова вместе с другими пансионерами-«нахлебниками», посещая ежедневно лекции в Московском университете.

Учитель давал детям необходимые знания по немецкому для успешной учебы в университете: прежде чем ученики уходили на учебу, «он выслушивал у каждого заданный из классов урок... В среду и субботу после обеда, также во время вакаций, он учил нас у себя дома». Мемуарист сообщает, что благодаря обучению в школе М.М. Гаврилова «стал лучшим питомцем как по прилежанию к учению, так и по поведению», ему «рекомендуем уже был надзор за прочими сотоварищами»⁴⁵. В записках Печерина содержится и негативная оценка обучения в частных школах, содержавшихся иностранцами — преподавателями Московского университета. Так, преподавание практически не велось в домашней

школе учителя немецкого этимологического класса университета Ивана Ивановича Гольцмана, куда Печерин сперва был отдан жить и учиться в 1780-х гг. вместе со всем необходимым: «книгами, кроватью, зеркалом и сундучком». Автор сообщает, что, хотя он был единственным «нахлебником» в доме учителя, последний его совсем ничему не учил, «любил погулять», брал ученика и они вместе «хаживали нередко к Кузнецкому мосту... брали из ближнего трактира бутылку полпива и, раскурив трубки... посиживали на травке». После частной школы И.И. Гольцмана Печерин обучался немецкому в домашних школах надзирателей благородного пансиона при Московском университете: сначала — у господина Дрегслера, затем — у господина Миллера. Интересно, что в домашней школе Миллера, по словам Ф.П. Печерина, учениками был организован небольшой театр: дети учили наизусть роли, «а вытвердив — декламировали, мастерили кулисы, короны...». Автор считал, что его обучение в домашних школах Дрегслера и Миллера, как и в школе Гольцмана, не принесло значительных результатов.

В мемуарах содержатся сведения о том, что в последней четверти XVIII в. домашние школы содержали учителя народных училищ. Пермский купец Д.Е. Смышляев, рассказывая о своем обучении в провинциальной домашней школе в Перми в 1792 г., дает отрицательную характеристику содержанию школы старшему преподавателю Пермского народного училища коллежскому советнику Никите Саввичу Попову. Автор мемуаров вспоминал, что он жил и учился в доме учителя «на всем содержании», в учебные часы посещал занятия в народном училище. В процессе обучения Н.С. Попов жестоко наказывал ученика: «...схватя за волосы, бил пинками столько, сколько его силы стало — окровавил и проломил голову, не принимая никаких оправданий»⁴⁶.

Судя по мемуарам, преподаватели и выпускники кадетских корпусов зачастую являлись хозяевами частных школ в России XVIII в. А.Т. Болотов, вспоминая свое детство в семье мелкого военного чиновника, капитана, переезжавшей с места на место, рассказывает о школе преподавателя кадетского корпуса учителя Ферре в Санкт-Петербурге, где одиннадцатилетний автор мемуаров обучался в 1749 г. В пансионе Ферре дети обучались французскому языку, географии, рисованию, но, как подчеркивает Болотов, «не было обыкновения учить историю»⁴⁷.

В записках поэта И.И. Дмитриева содержится рассказ о его обучении в частной школе господина Кабрита — «отставного поручика двадцати шести лет, воспитанника Сухопутного Шляхетного кадетского корпуса» в Симбирске. Автор мемуаров отмечает, что обучение в этой школе, несмотря на некоторые недостатки, было достаточно разносторонним и эффективным. В домашний пансион Кабрита Дмитриев был отдан родителями, среднепоместными дворянами, в начале 70-х гг. XVIII в. в воз-

расте 9 лет. По свидетельству автора, учитель Кабрит, обучая французскому и немецкому языкам, русскому правописанию и чтению, истории, географии, математике, часто давал детям отдыхать, «позволял предлагать ему вопросы, всегда охотно отвечал на них, сообщал...какие-либо полезные сведения: обязанности чинов, военные анекдоты, знакомил...с полководцами». В результате Дмитриев «под руководством Кабрита в три месяца успел в ней (математике. — *Е.М.*) более, чем у прежнего учителя в продолжение года», однако «во французском не дошел еще до синтаксиса, а в немецком остановился на глаголах»⁴⁸.

В трех мемуарах — записках офицера К. фон Мартенса, генерал-майора Л.Н. Энгельгардта, директора Царскосельского лицея Е.А. Энгельгардта — содержатся красочные описания более крупных частных учебно-воспитательных заведений — пансионов. Частные пансионы располагались как в столичных, так и в провинциальных городах Российской империи, состояли из нескольких классов. В них обучались дети разного возраста из семей высшего и среднего дворянства, уже имевшие первоначальные знания по русскому языку. В преобладающем большинстве частные пансионы открывали иностранцы. В отличие от небольших домашних школ, преподавание в них велось несколькими учителями, круг учебных дисциплин был более разнообразным: иностранные языки, русский язык, история, география, математика, естественная история, мифология, Закон Божий, фехтование и танцы. Обучение в частных пансионах длилось от одного до нескольких лет и не всегда приводило к хорошим результатам.

В записках генерал-майора Л.Н. Энгельгардта описывается пансион Эллерта в Смоленске, где автор, сын витебского воеводы, обучался в 1778 г. в возрасте 12 лет. В пансионе Эллерта не применялось какой-либо специально разработанной методики преподавания, сам Эллерт был малообразован, и «вся учебная деятельность его состояла в сокращенном преподавании...катехизиса, грамматики, истории, географии, мифологии», «без малейшего их толкования». Обучение французскому заключалось в том, что Эллерт принуждал детей «затверживать наизусть французские фразы», причем по-русски в пансионе вообще разговаривать запрещалось. Кроме того, здесь обучали танцам и фехтованию. Математику — арифметику и геометрию — преподавал отставной артиллерийский сержант Осип Иванович Овсянников⁴⁹.

Л.Н. Энгельгардт отмечал, что в пансионе Эллерта была установлена жесткая, «совершенно военная» внутренняя дисциплина с применением жестоких телесных наказаний и четкий распорядок дня, в соответствии с которым строились взаимоотношения как между самими учениками, так и между учениками и учителями. Для того чтобы пансионеры не разговаривали на русском языке, «не шалили» и «учили наизусть» заданные

уроки, Эллерт установил в пансионе строгий контроль, который осуществляли сами ученики. Между ними были «учреждены начальники»: младшие «чиновники» с красным бантом в петлице надзирали над четырьмя учениками; старшие «чиновники» с голубым бантом надзирали за двумя младшими «чиновниками». Как вспоминает Л.Н. Энгельгардт, «младшие имели право наказывать, если кто скажет слово по-русски, одним ударом по руке ферулою, а старшие чиновники — по два удара. Если Эллерт узнавал, что сии чиновники худо исполняли свою должность или во зло употребляли власть, им данную, то наказывал их ужасным образом, а иногда лишал бантов». Цветные банты были своеобразными знаками отличия, выдавались учителем за хорошее поведение и прилежание. Такой способ поощрения учеников, по мнению мемуариста, подталкивал учеников к новым успехам в учебе, «способствовал к нравственности, но...был основан на побоях»⁵⁰.

Сам учитель Эллерт бил учеников «без всякой пощады за малейшие вины ферулами из подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукам, секал розгами и плетью, ставил на колени на три и четыре часа, — словом, совершенный был тиран». Так, автор вспоминает: «...не проходило дня, в который не был я наказан». Вероятно, что из-за отсутствия других учебных заведений-конкурентов в окрестностях Смоленска пансион Эллерта был очень популярен, в нем всегда было много учащихся, несмотря на применение телесных наказаний, от которых много учеников «было изуродовано».

Как отмечает Л.Н. Энгельгардт, обучаясь в пансионе Эллерта, он хорошо усваивал танцевальные и фехтовальные приемы, французскую речь, а также делал успехи в изучении арифметики и геометрии под руководством учителя-россиянина — отставного сержанта О.И. Овсянникова, который «отличал» автора «перед всеми прочими». Родители Энгельгардта, среднепоместные дворяне, были «в восхищении» от результатов учебы сына в пансионе Эллерта, «увидя выправленного, исправившегося от пороков, танцующего на балах, говорящего изрядно по-французски и о всех науках». Однако сам мемуарист, оценивая собственные результаты учебы в пансионе, подчеркивал, что в итоге он мог разговаривать по-французски, «как попугай, ничего не понимая, и потому вскоре все забыл»⁵¹.

Судя по запискам однофамильца Л.Н. Энгельгардта, директора Царскосельского лицея действительного статского советника Е.А. Энгельгардта, содержателями частных пансионов в России XVIII в. были и женщины. Автор мемуаров, выходец из семьи высшего дворянства, вспоминал о своем обучении в течение 8 лет в «девичьем пансионе» сестер Бардевиг в Санкт-Петербурге, куда был отдан родителями в 1783 г. в 8-летнем возрасте. Энгельгардт указывал, что пансион Бардевиг славился

лучшими преподавателями, среди которых были Крафт, Шторх, Буссе. К сожалению, в мемуарах Е.А. Энгельгардта нет подробной информации об учителях, учениках, учебных дисциплинах, методах обучения в этом пансионе. Автор лишь упомянул, что в нем велось преподавание иностранных языков, «к изучению которых он обнаруживал большие способности»⁵².

В мемуарах офицера К. фон Мартенса содержится описание частного пансиона «Domschule» в Риге, куда он был отдан учиться в 1790-х гг., только «благодаря заботливости» своего деда, поскольку отец автора — президент гражданского суда в Риге — о воспитании сына «вовсе не заботился». По данным К. Мартенса, пансион «Domschule» был знаменит, в нем были воспитаны «многие выдающиеся люди: Гердер, Лодер, Шторх и другие»⁵³. Училище «Domschule», состоявшее из пяти классов, было прекрасно оснащено, в нем «постепенно проходились древние и новые языки, история, география, логика, метафизика, математика и естественная история». Так, Мартенс обучался в пансионе в течение пяти лет, с 8 до 13 лет, вероятно, ежегодно переходя из одного школьного класса в другой⁵⁴.

К. Мартенс сообщает, что в Прибалтике внешнеполитические события оказывали мощное влияние на организацию процесса обучения в пансионе, в частности, революционные события во Франции 1790-х гг. В училище «Domschule», несмотря на «множество соглядатаев и шпионов», царил атмосфера свободомыслия, ученики узнавали «обо всех выдающихся событиях, происходивших в то время во Франции», учителя часами вели беседы с учениками, «стараясь разъяснить смысл совершавшихся событий». Революционные веяния повлияли на взаимоотношения учащихся между собой, что выразилось в появлении новых совместных детских игр, которые описывает К. Мартенс. В свободное от уроков время «все ученики отправлялись за город в большой сад, там изображали конвент, говорили речи, издавали законы, формировали войско и разделялись на два отряда: на австрийский и французский. В первый выбирали самых ленивых и глупых мальчиков, которых нещадно избивали». Подобные совместные игры могли являться для детей своеобразным стимулом к успешной добросовестной учебе. После вступления на престол императора Павла I, смены внешнеполитического курса и ужесточения внутрисполитического режима Российского государства, училище «Domschule» «было совершенно преобразовано...Свободомысленные беседы и детские игры прекратились. Учители сделались робки и молчаливы, и в классах стал появляться ежедневно наблюдатель»⁵⁵. Свободное владение несколькими европейскими языками было результатом обучения К. Мартенса в этом пансионе.

Только в четырех мемуарах содержатся краткие сведения об обучении девочек в частных школах. Ведь начало женскому государственному образованию в России было положено только в 1764 г., когда был основан Смольный институт благородных девиц; до этого времени девушки имели возможность обучаться в частном порядке.

Судя по запискам актера М.С. Щепкина и писателя-мемуариста А.Т. Болотова, содержатели школ обучали своих дочерей. Щепкин, описывая свою учебу в конце 1780-х гг. в начальной школе грамоты в имении графа Волькенштейна, селе Красном Тульской губернии, отмечает, что содержатель школы малороссиянин Никита Михайлович обучал вместе с тремя мальчиками свою дочь Надёжку. А.Т. Болотов рассказывал о том, что он учил письму и арифметике свою 6-летнюю дочь Елизавету в домашней школе, которую открыл сам в 1770-х гг. сперва в родовом селе Дворянинове Тульской губернии, будучи в отставке, затем в г. Богородицке, став управляющим Богородицкой волостью⁵⁶.

Информация о том, что в частных школах в провинции девочек обучали математике и немецкому языку, содержится в воспоминаниях поэта Г.Р. Державина. Державин, описывая свое детство, обращает внимание на то, что его сестра (возраст не известен) вместе с ним и братом посещала частные школы «гарнизонного школьника Лебедева» и «артиллерии штык-юнкера Полетаева» для обучения математике. Также автор мемуаров указывает, что лица «женска пола», «дети лучших благородных людей», обучались немецкому языку в школе ссыльного каторжника Иосифа Розы в Оренбурге, несмотря на то, что учитель «жестоко наказывал»⁵⁷.

Сведения о применении суровых телесных наказаний к девушкам в частных школах содержатся в записках генерал-майора Л.Н. Энгельгардта. Автор, рассказывая об обучении танцам многих «девиц» разного возраста («даже и взрослых») дважды в неделю в пансионе Эллерта в Смоленске, вспоминает, что однажды учитель Эллерт «при многолюдном собрании» отбил о спинку стула руки девице Лебедевой, «очень непонятной». Показательно, что, несмотря на это, родители не забирали из пансиона своих детей до тех пор, пока те «не научатся в совершенстве танцевать менуэт и контратанцы», что объяснялось, вероятно, отсутствием иных учебных мест, где бы девушек учили танцевать⁵⁸.

Большой интерес представляют данные мемуаров об оплате обучения в провинциальных частных школах иностранцев. К сожалению, такие данные встречаются редко; только в двух мемуарах И.П. Анненкова и Л.Н. Энгельгардта называются точные, достаточно большие денежные суммы, которые платили родители за обучение своих детей в частных школах. Курский воевода Анненков в дневнике отмечал, что он в конце 1740-х гг. платил по 3 или 4 р. в месяц (36 или 48 р. в год) за обучение каждого из своих детей под надзором немцев Ягана Герца и Ивана Цвин-

кера в небольшой провинциальной школе «при архиерейском доме». В конце 1770-х гг. учеба в более крупном частном пансионе Эллерта в Смоленске, где обучался Лев Энгельгардт, стоила 100 р. в год, правда «на всем содержании Эллерта, кроме платья»; обучение девушек танцам стоило 30 р.

В сравнении с оплатой преподавательских услуг домашних гувернеров, когда, например, за обучение девочки в среднепоместной дворянской семье французской гувернантке мадам Лене в Витебске в 1770-х гг. платили 500 р. в год (записки Л.Н. Энгельгардта), учеба в частных школах стоила недорого, но размер жалования учителей государственных учебных заведений был гораздо ниже⁵⁹.

Таким образом, деятельность частных школ в России в XVIII в. затронута в мемуарах представителей высшего российского чиновничества, военного и гражданского, среди которых — известные литераторы Г.Р. Державин и И.И. Дмитриев, а также средних чиновников, деятелей культуры и искусства из других социальных слоев.

Обучение в провинциальных частных школах отражено в мемуарах подробнее, чем обучение в столичных. В большинстве воспоминаний описываются частные школы, действовавшие во второй половине — конце XVIII в. Только в четырех воспоминаниях из семнадцати имеются сведения об организации частной школы в первой половине столетия. Судя по мемуарам, разновидностей частных школ в России было множество. Были небольшие школы, которые частные лица открывали у себя на дому или в специальных помещениях — в них обучались в основном мальчики. В воспоминаниях широко отражен процесс обучения детей в традиционных школах грамоты, в частных школах россиян — учащихся, выпускников государственных школ или отставных военных — и частных иностранных школах. В большинстве мемуаров представлена обширная информация о преподавании в этих школах русского и иностранного языков и математики методом заучивания правил наизусть без каких-либо пояснений, с применением телесных наказаний. Перечень преподаваемых учебных дисциплин был более широк в крупных пансионах. Отражен процесс возрастания положительной роли преподавателей Московского университета и кадетских корпусов в содержании домашних школ в конце XVIII в.

¹ См. об этом: ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 9. С. 691; Хрестоматия по истории СССР, XVIII в. М., 1963. С. 291–295.

² Пекарский П. Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. № 4. С. 55.

³ ПСЗ. Собр. 1. Т. 13. С. 268.

⁴ См.: Там же. Т. 14. С. 765.

⁵ См.: Там же. Т. 22. С. 656, 667–669.

- ⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 12, т. 23. С. 264.
- ⁷ Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1989. Т. 5. С. 153–155.
- ⁸ Демков М. История русской педагогики. М., 1910. Ч. 2. С. 58–59, 206, 217.
- ⁹ Князков С.А., Чербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра I. М., 1910. С. 56.
- ¹⁰ Озерская Ф.С. Женское образование в XVIII в. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, XVIII в. – первая половина XIX в. М., 1973. С. 133–142.
- ¹¹ Смирнов А.В. Русская школа и педагогическая мысль во второй четверти XVIII в. // Там же. С. 44–64.
- ¹² См.: Сычев-Михайлов М.В. Из истории русской школы и педагогики XVIII в. М., 1960. [Гл. 2.]
- ¹³ Пекарский П. Указ. соч. С. 90.
- ¹⁴ См.: Чечулин Н.Д. Воспитание и домашнее обучение в России XVIII в. // Дела и дни. 1920. № 1. С. 96–112; 1923. № 3. С. 32–46.
- ¹⁵ Демков М. Указ соч. С. 203.
- ¹⁶ См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М., 1991; Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII–XVIII вв.: опыт источниковедческого исследования. М., 1995.
- ¹⁷ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: В 2 т. / Сост. П.А. Зайончковский. М., 1967.
- ¹⁸ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 121.
- ¹⁹ [Предисловие (от редакции) к запискам В.Н. Геттуна] // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 26.
- ²⁰ Бартнев П. Предисловие к запискам Г.Р. Державина // Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 1860. С. 7.
- ²¹ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 10.
- ²² Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Тимофеевича Болотова, описанные им самим для своих потомков, 1734–1774. М., 1991. Т. 1. С. 34.
- ²³ См.: Глаголева О.Е. А.Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 13.
- ²⁴ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 67.
- ²⁵ См.: К истории создания «Записок актера Щепкина» // М.С. Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1. С. 5.
- ²⁶ Геттун В.Н. Записки собственно для моих детей // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 27.
- ²⁷ Данилов М.В. Записки // Русский архив. 1883. № 3. С. 563.
- ²⁸ Там же. С. 564.
- ²⁹ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1867. С. 6.
- ³⁰ Щепкин М.С. Записки актера Щепкина // М.С. Щепкин: Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1. С. 75.
- ³¹ Там же. С. 76, 77.
- ³² Там же. С. 77.
- ³³ Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 1860. С. 9.
- ³⁴ Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 11.
- ³⁵ Толмачев Я.В. Автобиографическая записка // Русская старина. 1892. № 9. С. 700.
- ³⁶ См.: Болотов А.Т. Указ соч. Т. 3. С. 214, 215.
- ³⁷ Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 6.
- ³⁸ Анненков И.П. Журнал курского помещика Владимирского драгунского полку капитана Ивана Петрова сына Анненкова с 1745 году // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 675.
- ³⁹ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 7, 8.

-
- ⁴⁰ Санглен Я.И. де. Записки // Русская старина. 1882. № 12. С. 445.
- ⁴¹ Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 12.
- ⁴² Болотов А.Т. Указ. соч. 1991. Т. 3. С. 262–263.
- ⁴³ Там же. С. 263.
- ⁴⁴ См.: Болотов А.Т. Указ. соч. 1873. Т. 3. С. 455, 469.
- ⁴⁵ Печерин Ф.П. Записки о моих предках и о себе // Русская старина. 1891. Т. 72, № 12. С. 590.
- ⁴⁶ Смышляев Д.Е. Записка, найденная в бумагах покойного купца С-ва // Пермский сборник. М., 1860. С. XXVIII.
- ⁴⁷ Болотов А.Т. Указ. соч., 1991. Т. 1. С. 83.
- ⁴⁸ Дмитриев И.И. Указ. соч. С. 13.
- ⁴⁹ См.: Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁰ Там же. С. 7–8.
- ⁵¹ Там же. С. 8, 9.
- ⁵² Энгельгардт Е.А. Воспоминания о директоре Царскосельского лицея Егоре Антоновиче Энгельгардте // Русский архив. 1872. № 7. С. 1463.
- ⁵³ Примечательно, что в записках Е.А. Энгельгардта в числе учителей, преподававших в пансионе сестер Бардевигов в Петербурге, тоже упоминается некий Шторх.
- ⁵⁴ См.: Мартенс К. Из записок старого офицера // Русская старина. 1902. № 1. С. 88–90.
- ⁵⁵ Там же. С. 90.
- ⁵⁶ См.: Щепкин М.С. Указ. соч. С. 76; Болотов А.Т. Указ. соч., 1991. Т. 3. С. 265.
- ⁵⁷ Державин Г.Р. Указ. соч. С. 7.
- ⁵⁸ Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 8.
- ⁵⁹ См.: Там же. С. 6, 8; Анненков И.П. Указ. соч. С. 676.